

В разгаре было лето. Полуденное солнце нещадно палило, но в поместье Цао воцарилась гнетущая, почти болезненная атмосфера. Поход на Лоян, который должен был начаться со дня на день, внезапно отложили.

Сюнь Юй сошел с повозки у ворот и столкнулся с Цао Анем. Обменявшись приветствиями, старший сын господина Цао вполголоса произнес:

— Вы вовремя, господин Сюнь. Навестите отца, он не в себе.

Сюнь Юй слегка поклонился в знак понимания и, оправив одежды, поспешил к покоям Цао Цао.

Остановившись у порога, он на мгновение замер. Внутри было тихо. Сюнь Юй осторожно толкнул приоткрытую дверь и вошел. В комнате царил полумрак. Цао Цао сидел за низким столиком спиной к двери, и во всей его позе сквозило невыразимое одиночество.

Медленно подойдя ближе, Сюнь Юй притворил за собой дверь, собираясь с мыслями. Он служил господину многие годы, но никогда не видел его столь подавленным — разве что в те далекие времена, о которых почти не вспоминали.

— Вэньжо, ты пришел, — не поднимая головы, негромко позвал Цао Цао.

— У вас острый слух, господин, — Сюнь Юй опустил на циновку рядом с ним.

Цао Цао сухо рассмеялся:

— Дело не в слухе, а в аромате твоих благовоний.

Он медленно поднял взгляд на своего советника — того, кого привык называть «своим Цзыфаном». Вглядываясь в спокойное, благородное лицо Сюнь Юя, Цао Цао вдруг протянул руку, крепко сжал его затылок и, заставив смотреть себе в глаза, с горечью произнес:

— Вэньжо... он ушел. Просто взял и ушел. Я потерял великий талант.

Сюнь Юй понимал, о ком речь. Си Чжицай. Тот самый человек, которого он сам когда-то рекомендовал Цао Цао. Кто бы мог подумать, что он уйдет так рано, оставив после себя лишь бесконечную скорбь? Сюнь Юю тоже было больно — как-никак, они были соратниками, — но его печаль отличалась от той бури, что бушевала в душе господина.

— Прошу вас, господин Цао, не убивайтесь так, — тихим, ровным голосом произнес Сюнь Юй.

Цао Цао горько усмехнулся и отпустил его:

— Как мне не убиваться? Потерять такого помощника... С каких пор ты, Вэньжо, стал говорить эти пустые, вежливые слова? — Он отвернулся, тяжело вздохнув. — Кто теперь заменит мне Чжицая? Кто будет разрабатывать замыслы?

Сюнь Юй на миг помрачнел, но голос остался прежним — мягким и уверенным:

— Господин, не стоит так терзаться. Поднебесная полна талантов, а ваша жажда достойных мужей известна всем. Разве стоит бояться, что вы останетесь один? Я приложу все силы, чтобы помочь вам и найти замену.

Услышав это, Цао Цао почувствовал, что его минутная резкость могла ранить верного соратника. Он обернулся и накрыл ладонью тонкую руку Сюнь Юя:

— То, что у меня есть ты, Вэньжо — моя величайшая удача.

Сюнь Юй едва заметно улыбнулся:

— Вы преувеличиваете. Я лишь исполняю свой долг. Ранняя смерть Чжицая — воля небес, которой не под силу противостоять. Но «почитать Сына Неба», чтобы покорить сердца людей — это то, что вы обязаны взять в свои руки.

Заметив, что отчаяние на лице господина начало рассеиваться, Сюнь Юй продолжил:

— Чтобы сокрушить Юань Шао и ему подобных, одной военной мощи мало. Но если мы первыми достигнем Лояна и примем под покровительство императора, половина успеха будет за нами.

Цао Цао кивнул, не выпуская его руки:

— Продолжай.

— Чтобы добиться истинной победы, нужно следовать великим замыслам и являть миру великую добродетель. Ваше заступничество за императора станет ответом на чаяния народа. Это путь справедливости, на который потянутся мудрецы со всей земли. Лоян — вот ваша главная цель. Прошу вас, примите решение как можно скорее.

— Твои слова попадают в самую цель, Вэньжо. Но одно не дает мне покоя. Ты говорил, что Дун Чжао одним письмом склонил Ян Фэна к сотрудничеству, да еще и убедил его просить для меня титул генерала, охраняющего восток. Тебе не кажется это подозрительным?

Сюнь Юй вдруг рассмеялся — легко, словно по воде пошла рябь, и даже аромат его благовоний будто стал ярче:

— Вы слишком тревожитесь. Когда я впервые услышал об этом, мне тоже стало не по себе. Но поразмыслив, я понял: причин для беспокойства нет. Если бы Дун Чжао не желал нам помочь, он бы и пальцем не пошевелил, когда Чжан Ян перехватил ваших послов. Я не знаю дословно, что он написал Ян Фэну, но могу догадаться.

Цао Цао по привычке забарабанил пальцами по столу:

— И что же?

— Против нас Дун Чэн и Юань Шу. Дун Чжао выбрал Ян Фэна, потому что тот силен, но лишен опоры. Ему отчаянно нужны союзники извне. Полагаю, Дун Чжао в письме просто дал понять, что вы готовы стать для него надежной поддержкой.

Сюнь Юй не гадал — он видел ситуацию насквозь. И Дун Чжао действительно поступил именно так. Не зря он носил звание «первого советника» Вэй.

Цао Цао прищурился, погружившись в раздумья:

— Значит, время пришло?

— Промедление смерти подобно.

Глядя на серьезное, сосредоточенное лицо Сюнь Юя, Цао Цао расхохотался. Он протянул руку и поправил складку на его воротнике:

— Тогда отдавай распоряжения, мой советник. Через два дня выступаем на Лоян.

— Ваша мудрость не знает границ. Я сейчас же займусь подготовкой, — Сюнь Юй воодушевился.

Цао Цао вновь сжал его руку и долго смотрел на него. Наконец он произнес с глубоким чувством:

— Вэньжо... Чжицай ушел, и это ранит меня до глубины души. Ты... что бы ни случилось, ты должен жить. Живи долго.

Сюнь Юй поклонился:

— Слушаюсь. Я буду жить, чтобы своими глазами увидеть, как вы объедините четыре моря и возродите дом Хань.

***

Наблюдая за тем, как двое мужчин выходят из комнаты, Цао Ань, присматривавший за тренировкой младшего брата, невольно вздохнул:

— Господин Сюнь — это всё-таки господин Сюнь. Всего полчаса, и отец снова воспрял духом.

Цао Пи проследил за взглядом брата, но увидел лишь удаляющуюся спину советника — фигуру, в которой чувствовалась какая-то неземная легкость. О самом Сюнь Юе он знал мало — когда тот появился в их доме, Пи было всего четыре-пять лет. Каждая встреча советника с отцом касалась лишь военных дел, и мальчику не выпадало случая поговорить с ним. Единственное, что врезалось в память — это густой, изысканный аромат, который оставался в комнате даже после ухода гостя.

Заметив, что брат о чем-то крепко задумался, Цао Ань шутливо стукнул его по голове деревянным мечом:

— О чем замечтался? Все уже ушли. Продолжай упражнения.

— А, да... — Цао Пи снова встал в стойку, но не удержался от вопроса: — Брат, почему мне кажется, что отец относится к господину Сюню совсем не так, как к другим подчиненным?

— Потому что господин Сюнь не похож на обычных людей. Он тот, на кого не жалко тратить силы, — ответил Цао Ань. С той самой роковой ночи он старался исподволь прививать брату определенные взгляды на жизнь. — Запомни, А-Пи: чтобы на тебя смотрели с уважением, ты должен обладать чем-то, что этого уважения заслуживает.

— Я понял, — серьезно кивнул мальчик, старательно отрабатывая удар.

Цао Ань хотел добавить что-то еще, но к ним подбежал слуга:

— Молодой господин, генерал приказал вам немедленно явиться в лагерь.

— Иду, — Цао Ань повернулся к брату: — Тренируйся сам, не ленись.

— Хорошо, иди, брат. Не заставляй отца ждать.

Цао Ань одобрительно потрепал его по волосам, вытирая пот с его лба:

— Я скоро вернусь. Если задержусь — иди в дом, почитай те книги, что я отобрал. Что будет непонятно — выпиши.

— Ладно.

Проводив брата взглядом, Цао Пи добросовестно продолжил тренировку. В десяти шагах от него находились покои Цао Чжи; оттуда доносились нежные голоса госпожи Бянь и детский смех, но Пи даже не повернул головы. Если раньше его серьезность была лишь попыткой казаться взрослым, то теперь она стала внутренней сутью.

Меч рассекал воздух, и опадающие лепестки цветов кружились в этом танце, создавая картину почти неземной красоты.

***

Инчуань, уезд Янчжай. Среди живописных гор и прозрачных ручьев, у скромной хижины, сидел на берегу юноша в лазурном халате. Его стройная фигура и благородное лицо казались частью этого пейзажа. Раннее осеннее солнце всё еще припекало, и юноша, опустив ноги в прохладную воду ручья, лениво зевнул и прилег прямо на траву, собираясь вздремнуть. Но покою не суждено было продлиться: на грудь ему, хлопая крыльями, опустился белый голубь.

Неохотно открыв глаза, юноша снял с лапки птицы бамбуковый футляр, погладил гонца по перьям и отпустил. Сел, развернул письмо и, едва завидев почерк, просиял.

— Вэньжо? — радостно прошептал он.

Дочитав до конца, он рассмеялся — дерзко и торжествующе. Забыв о туфлях, юноша босиком помчался по каменной дорожке к хижине, оставляя за собой лишь шлейф предвкушения.

Говорят, мудрая птица выбирает дерево по душе. Феникс, годами скрывавшийся в глуши, наконец услышал зов того самого платана, к которому стремилось его сердце.

Этого юношу звали Го Цзя, а вторым его именем было Фэнсяо. Еще в юности он прославился своим незаурядным умом. В двадцать один год он пытался служить Юань Шао, и тот принял его с почетом. Однако, пробыв там всего десять дней, проницательный юноша понял: Юань Шао не тот человек, который способен на великие дела. Несмотря на уговоры, Го Цзя ушел. Мало кто понимал его поступок — в те времена Юань Шао считался «героем Поднебесной». Но гордый Го Цзя не любил объясняться. Он просто нашел Сюнь Юя, который, как и он, искал достойного господина, пропил с ним всю ночь напролет, а затем спокойно вернулся в родной Инчуань. Шесть лет он провел в уединении. Юноша стал мужчиной, но его дерзость никуда не исчезла.

В это время Цао Цао, державший путь на Лоян, еще не знал, что вскоре обретет самого

важного советника в своей жизни — человека, о потере которого будет скорбеть до конца своих дней. «Призрачного гения», чьи замыслы никогда не знали промаха — Го Фэнсяо. А Сюнь Юй, отправивший то письмо, и представить не мог, какие хитросплетения судеб оно за собой повлечет.

Разве можно сказать, что всё это не было предначертано? Почему позже Вэй-ван забудет аромат чужих рукавов и преданность старого друга? Почему «призрачный гений» отринет мирскую суету, чтобы в одиночестве слагать песни, оставив свои стратегии горам и рекам? И почему, даже столкнувшись с предательством, Сюнь Юй не изменит своему сердцу, оставшемуся твердым, как скала?

Синие горы, зеленые воды... Занавес над этим смутным временем только начал подниматься.

<http://bllate.org/book/17368/1693227>